

Как ветеран войны в одиночестве остался

Ветерану Великой Отечественной войны Николаю Васильевичу Панину 92 года. С 23 марта 2015 года он живет в Туношенском пансионате для ветеранов войны и труда.

Живется Николаю Васильевичу неплохо. У него отдельная комната и даже есть подружка — женщина из комнаты напротив. Она и постель соберет, и посуду помоеет, и лекарство накапает, и врача позовет, если нужно.

— Обижаться не приходится, — заключает Николай Васильевич. — Белье меняют каждую неделю, питание хорошее, природа. На воле такого сейчас не получишь...

В общем, забыт ветеран Панин весьма условно. Ветеранов в пансионате много. Только Великой Отечественной два. Для них и поздравления с праздниками, и развлекательные мероприятия. Чтоб не грустили...

— И все-таки дома лучше, — вздыхает дедушка.

— Николай Васильевич, хотите я про вас расскажу в 26-й школе?

Коля Панин учился в этой школе, когда она еще квартировала в маленьком деревянном домике на углу Тутаевского шоссе. И я точно знаю, в День Победы в 26-ю не приходит ни один учившийся именно здесь ветеран.

— Да кто сюда поедет? — сомневается Николай Васильевич. Но в голосе его слышится надежда, а в мыслях сам собой складывается рассказ для ребят.

Пришли в деревню, а там немцы

— Я родился 25 декабря 1925 года в городе Мичуринске Тамбовской области. В 1937 году отец приехал на Ярославский шинный завод. За ним переехала вся семья. На фронт меня взяли 23 января 1943 года из 10-го класса, даже не дали доучиться. Месяц обучали на станции Сурок Марийской ССР. Нас было 200 человек, рота, все 25-го года рождения, всех национальностей. Татары, украинцы, таджики, белорусы, русские... Впрочем, украинцы и белорусы считались русскими. Мы же в одной стране жили.

Провоевал я почти полгода на 1-м Украинском фронте. Пока рота ехала туда после обучения, состав все время бомбили. В Курске, даже не вступив в бой, многие погибли. Подорвались на минах, которые немцы оставили при отступлении.

Николай Панин.

В Белгороде наш состав разбомбили окончательно. Дальше до местечка Золычево 200 километров шли пешком. Пришли в деревню, а в деревне напротив — немцы. Пока нам выдавали винтовки и саперные лопатки, на нас пошли пять немецких танков! Стрелять бесполезно: у нас ни опыта, ни гранат. Мы попрятались кто куда. Тогда нас немного погбило, может, человек десять.

Первый настоящий бой мы приняли по дороге в соседнюю деревню. Шли ночью по пшеничному полю. Пшеницу уже убрали в скирды, немцы их подожгли и оставили засаду: человек десять с пулеметами. Огонь осветил поле, и пулеметчики стали нас косить. В том бою от 200 человек нас осталось 70. Немец напал неожиданно, мы растерялись. Мальчишки же, мне еще 18 не исполнилось... Тогда командир назначил меня связным. «Ползи к командирам взводов, — говорит. — Вели, чтобы окапывались и не высывались». Я ползал под пулеметным огнем, передавал приказ.

Снайпер целился мне в голову

Хорошими солдатами мы стали потом. В составе 1-го Украинского фронта наша рота участвовала в подготовке Киевской наступательной операции ноября 1943 года. До Полтавы мы от деревни к деревне

шли по-настоящему, с боями. Под Полтавой влились в основные войска, и там 2 августа меня ранил снайпер. Мы вели наступление в балке. Я, раскинув ноги, лежал и целился из автомата. В это время снайпер целился мне в голову, но не попал. Пуля пролетела в пяти сантиметрах от нее, вошла под коленом, раздробила большеберцовую кость и вышла через ступню. Ребята положили меня к брустверу, а сами пошли в наступление. Лежу. То теряю сознание, то слышу стоны раненых. Вдруг тишина! Мимо меня бежит товарищ, с которым мы вместе шли в атаку: «Коля, тебя еще не взяли?» «Никто не подходил», — говорю. Тут два санитары с носилками идут. Товарищ их матом: «Мы отступаем, сейчас немцы пойдут! Он же в плен попадет!» «Мы раненых в темноте по стонам находим, — объясняют санитары, — а он тихо лежал». Санитары меня подхватили, бегут. Немцы дорогу ракетами освещают, они меня бросают. Боль в ноге страшная! Но санитарам тоже жить надо!

Занесли меня в домик на краю брошенной деревни. Там на соломе нас пятеро лежало. Через полчаса один умер. Мало пожил, ему живот разорвало. Утром живых на подводе повезли в райцентр Золычево. Всю дорогу нас обстреливали минометы, но ничего, проскочили. Две недели я

пролежал в райцентровском госпитале. Потом поездом — в глубокий тыл. В Киров через Ярославль. Об этом узнала медсестра. «Коля, — говорит, — пиши заявление начальнику эшелона».

В госпиталь на Туговой

— В Ярославле меня на «скорой» отвезли в госпиталь на Туговой горе. В палате нас там лежало 24 человека. Оттуда меня выписали в апреле 1944 года, через 9 месяцев после ранения. На костылях, с открытой раной, 2-й группой инвалидности и освобождением от армии подчистую. На месяц отправили подлечиться в Ессентуки. Когда я возвращался оттуда, рана открылась, и меня снова в госпиталь на Зеленовскую улицу.

После госпиталя летом 1944 года, еще на костылях, я поступил на подготовительное отделение Ленинградского института железнодорожного транспорта. Его филиал находился на Всполье. Я сильно голодал, все время пробивался, где бы поесть, и совсем не учился. Впрочем, так было у всех. Потому вступительный экзамен по истории я не сдал и вместо института пошел в автомеханический техникум. В 1949 году вышел оттуда техником-технологом литейного производства и поступил на моторный завод в 1-й литейный цех. В 31 год у меня на спине появилась странная сыпь. Месяц с этой детской болезнью я пролежал в больнице. А мне все хуже. Я стал бояться темноты. Невропатологи постановили, что у меня резкое истощение центральной нервной системы. Снова больница, инвалидность и запрет на работу в литейке. Пошел в школу завхозом. Потом на завод «Свободный труд». В 1973 году «Свободный труд» и «Победа рабочих» объединились в Ярославский химический комбинат, и я снова вернулся во 2-й литейный цех моторного завода. Оттуда и вышел на пенсию в 1980 году.

Во время учебы на подготовительных в институт я познакомился с будущей женой Ириной. Она была сестрой моего друга, и я у них бывал. Дружили мы четыре года, потом расписались. Жили вместе 65 лет. Дружно. У нас были сын, дочь и два внука.

С женой прожил 65 лет

Возможно, об этом не надо рассказывать совсем маленьким школьникам. Слишком уж это страшно и непатриотично. Но ребятам постарше Николай Васильевич мог бы рассказать, как человек остается на земле никому не нужным.

Супруга Николая Васильевича ушла из жизни в сентябре 2013 года. Но еще раньше Панины потеряли все молодое поколение. В 2000 году от рака печени умерла дочь.

— И должность у нее была хорошая, и квартира, и в роду никто этим не болел. Жить бы да жить, — сокрушается осиротевший отец.

Муж дочери, то есть зять, утонул в Костромских разливах в год рождения внука ветерана. Сам внук трагически погиб.

— После армии он познакомился с женщиной. Она где-то лошадьми занималась... И пила. Внук тоже запил. Два года они жили в квартире дочери, все из нее пропили, продали и купили у цыган халупу на Суздалке. Завели лошадь, купили двух поросят. Две собаки у них было. Но за ум не взялись, продолжали пить. Однажды разругались. Она ушла из дома к матери. А внук, видимо, курил в доме, заснул и уронил горящую сигарету. Дом вспыхнул. Сгорели все: лошадь, поросята, собаки. Внук успел доползти до двери. Ему было 26 лет.

Сын Николая Васильевича окончил строительный техникум, по распределению уехал в Ленинград и жил там. Развелся с первой женой, и она, взяв сына, второго внука Панина, уехала на родину в Татарстан. Там ее след потерялся.

— А вторая жена прислала нам в 2002 году письмо, что наш сын Вася умер в больнице, что квартиру она продала и теперь живет в Новгороде. Так мы ничего больше и не узнали.

После смерти жены Николай Васильевич два года жил один в своем доме на улице Куксенки рядом с новым мостом через Волгу. За ветераном ухаживала соседка. Николай Васильевич платил ей 18 тысяч в месяц и звал молдаванкой, потому что семья ее приехала из Молдавии. Потом соработник предложил Панину переехать в Туношенский пансионат. Николай Васильевич отдал молдаванам дом и уехал.

Нувот и все. Как и обещала, в 26-й школе уже знают об «их» ветеране. И, может быть, Николай Васильевич еще расскажет ребятам о том, что за участие в Великой Отечественной войне он получил 20 наград, но настоящими считает только две: орден Отечественной войны II степени и медаль «За отвагу». Медаль получена за бой на поле горящей пшеницы, где Коля Панин, вжимаясь в землю, ползал под пулеметным огнем. А про орден пусть школьники спрашивают сами.

Елена СОЛОНДАЕВА
Фото автора